

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ МОВИ

Ю. В. Дорофеев
(Симферополь)

УДК 81-112.2: 81'27

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВАРИАТИВНОСТИ

Система любого языка постоянно подвергается модификациям, обеспечивающим такое фундаментальное качество естественного языка, как изменчивость, и одним из самых значимых стимулов таких изменений является взаимовлияние языков [8, с. 83]. Контакты языков осуществляются не на уровне абстрактных систем, а в сознании носителей языка, в их речевой деятельности, поскольку потребность в новых средствах выражения заставляет не только создавать их, но и заимствовать из других языков. Носители языка принимают или отторгают те или иные инновации, а коммуникативные потребности изначально определяют меру влияния одного языка на другой. Таким образом, степень взаимопроникновения языков зависит от коммуникативных отношений между носителями отдельных языков. Результатами языковых контактов являются многообразные следствия: в одних случаях они приводят к заимствованиям, в других – к интерференции, смешению норм разных языков и, как крайний случай, к функционированию некоторого среднего подъязыка (койне, пиджины, креольские языки), в третьих – к языковой ассимиляции, в четвертых – к полилингвизму. В любом случае нет сомнений, что изучение языковых контактов и их результатов позволяет исследовать не только особенности строения языковой системы, но и особенности коммуникативной реализации языка, его развития и функционирования в социуме.

Всвязисосказанным *мыставимпередсобойцельнапримерерядаязыковпродемонстрировать степень влияния языковых контактов на развитие вариантных форм языка. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:* анализ представлений о закономерностях языковых контактов; определение роли заимствований в процессе развития вариантных форм языка; характеристику специфики функционирования заимствований в рамках отдельных форм языка.

Понятие контакта основано на том, что каждый отдельно взятый язык, как правило, не развивается в изоляции. Например, английский язык, несмотря на его автономное развитие, обусловленное географическим положением, в свое время испытал мощное влияние старофранцузского языка и через его посредство латинского, в результате чего лексический состав современного английского языка наполовину состоит из заимствований романского происхождения: *animal* (животное), *barrier* (барьер), *camouflage* (камуфляж), *detonation* (детонация, взрыв), *different* (различный), *enjoy* (наслаждаться), *example* (пример), *genius* (гений), *influence* (влияние), *interfere* (вмешиваться), *message* (сообщение) и др. [7]. В то же время некоторые языки в разные периоды своего развития подвергались значительному влиянию со стороны других систем, например, в русский язык проникли заимствования из немецкого (*авторитет, балетмейстер, гантель, замша, импортировать, лавина, марка*), французского (*авиатор, аллея, баллада, волонтер, галерея, дублер, жанр, кабинет*) и других европейских языков [6].

В тех случаях, когда контакты между языками происходят в масштабе целой группы людей, можно говорить об общих для них особенностях языкового поведения, а инновации, основанные на заимствовании единиц из другой системы и распространенные в масштабах всей группы, могут рассматриваться как актуальные и получившие признание в рамках коллектива: многие факторы, дающие языку статус “доминирующего” – его важная роль в общении, его значение для социального продвижения и т. д., – навязываются человеку окружающей средой. Поэтому соотношение между языками часто оказывается одинаковым для многих носителей, участвующих в данной ситуации контакта [3, с. 55]. Ярким примером такой ситуации является экспансия английского языка в славянские. Так, русский и украинский языки в одно время усваивают целый ряд номинативных единиц, при этом адаптируя их к своим грамматическим и фонетическим особенностям: *айсинг, бренд, бартер, бойлер, демпинг, импичмент, лизинг, ноутбук, спонсор* и т. п.

Результатом языковых контактов в современном мире становятся, по замечанию А. Н. Рудякова, процессы языкового партнерства, которые строятся на заимствовании наиболее

удачных номинаций и конструкций, обеспечивающих развитие конкретного языка, его совершенствование и жизнеспособность: “Язык велик не потому, что он способен отторгать все чужое. Язык, равно как и народ, носитель языка, велик потому, что он, не утрачивая собственной идентичности, способен интегрировать все самое продуктивное, что есть в языках-партнерах” [11, с. 8]. Как показывает пример английского языка, многочисленность заимствований совсем не обязательно ослабляет язык, а скорее, указывает на его открытость, восприимчивость и готовность “сотрудничать” с другими культурами [9, с. 112]. На этом фоне в языках активизируется развитие вариантных форм, которое почти всегда протекает в условиях контактов двух (или более) языков. Это утверждение справедливо как для национальных и региональных вариантов, так и для территориальных и социальных.

В некоторых случаях заимствования являются основой для образования и развития варианта. Так, ряд современных социальных вариантов русского языка образовался благодаря влиянию английского. Самый известный из них – социолект компьютерщиков. Интересным примером такого варианта является также социолект игроков в настольные компьютерные игры (геймеров): **аддон** (англ. *addon*) – “дополнение, расширение игры”, **аукцион** (англ. *auction*) – “игровая механика, заключающаяся в том, что игроки по очереди делают ставки (деньгами или иными игровыми ресурсами)”, **варгейм** (англ. *wargame*) – “военная игра; игра, моделирующая реальные или воображаемые военные конфликты”, **гик** (англ. *geek*) – “очень увлеченный человек, “повёрнутый” на своём хобби”, **даунтайм** (англ. *downtime*) – “промежуток времени, в течение которого игрок не может предпринять в игре никаких действий и, фактически, “выпадает” из игры”, **гекс** (англ. *hex*) – “правильный шестиугольник, на который нанесено изображение участков местности”, **хоумрул** (англ. *homerule*) – “домашнее правило, дополнительное правило, которое придумано игроками (а не автором игры) и применяется по их желанию”, **драфт** (англ. *draft*) – “игровая механика, заключающаяся в том, что игроки самостоятельно выбирают для себя игровые карты”, **мипл** (англ. *meeples*) – “игровая фишка в форме человечка”, **ресурсы** (англ. *resources*) – “деньги, карты, материалы и т.п., то, что необходимо для выполнения определённых игровых действий”, **тайл** (англ. – *tile*) – “большой жетон в форме квадрата, на который нанесено изображение участков местности”; **филлер** (от англ. *to fill* – заполнять) – “простая и быстрая (в пределах 30 минут) игра”, **юнит** (англ. *unit*) “боевая единица, отряд или солдат” [<http://www.boardgamer.ru/slovar-nastolshhika>].

Случаи заимствований носят системный характер в территориальных вариантах русского языка. Так, в севернорусские говоры из западнофинских языков заимствованы слова *курья* (залив реки), *сахта* (поросшая кустарником болотистая местность), *рада* (моховое болото), *кибас* (грузило на неводе), *лох* (семга после метания икры); из языка коми пришли слова *виска* (ручей, проток), *кулёма* (западня на пушных зверей), *лузан* (охотничья накидка), *орда* (бурундук) [2]. Сходное явление наблюдается в диалекте американского варианта английского языка в Восточной Пенсильвании, куда проникли заимствования из диалекта пенсильванских немцев: *papertoot* (пакет) (ср. нем. *Tüte*), *sprook* (привидение) (нем. *Spruk*), *clook* (наседка) (нем. *Glucke*), *thickmilk* (кислое молоко) (нем. *dicke Milch*), *getawake* (проснуться) (нем. *Wach werden*) [16, с. 149].

Развитие национальных вариантов английского языка также связано с определенной степенью влияния языков аборигенов, которые обитали в ареалах распространения английского языка в процессе колонизации. Так, для австралийского национального варианта английского языка характерны целые семантические группы слов, использование которых связано с условиями жизни на континенте. Это названия деревьев и растений: *bunya-bunya* (австралийская сосна из породы *Араукария*), *jarrah* (австралийский эвкалипт), *waratah* (цветущий кустарник, произрастающий в юго-восточной части Австралии); названия животных, рыб, птиц: *barramundi* (азиатский морской окунь), *brulga* (австралийский журавль), *brumby* (необъезженная, дикая лошадь), *bulln-bulln* (лирохвост), *corella* (разновидность какаду), *dingo* (австралийская дикая собака), *kangaroo*, *wallaby* (кенгуру), *koala* (коала), *kookaburra* (большой австралийский зимородок), *torwong* (крупная морская рыба), *mulga* (королевская коричневая змея), *rotaroo* (сумчатая крыса), *yabby* (австралийский рак); наименования местных объектов, предметов и жилищ: *billabong* (небольшое озеро, отрезанное от реки), *boomerang* (оружие аборигенов в виде плоского крыла), *coolamon* (судно аборигенов Австралии), *gibber* (местность в пустыне, естественным путем выложенная камнями), *miatia* (временное жилье у аборигенов), *nullanulla* или *waddy* (тяжелая палка для охоты, используется также для добычи огня), *wurley*

(хижина из ветвей деревьев) [1].

Большинство перечисленных единиц активно используются в речи жителей Австралии. Некоторые слова, обозначающие так называемые “экзотические реалии”, вышли за пределы австралийского варианта и даже английского языка в целом (*кенгуру, динго, бумеранг* и др.). Однако важно отметить, что для Австралии данные единицы не являются экзотизмами, и используются в соответствующем варианте языка не как чужеродные элементы, а в качестве полноправных членов системы, отличающихся только своим происхождением.

Сходная ситуация наблюдается и в вариантах испанского языка Америки, где представлено множество заимствований из языков индейцев: *allacho* (мотыга), *apca* (жареная кукуруза), *bulina* (лепешка из фасоли), *coila* (ложь, вранье), *cuaterín* (удар по голове, подзатыльник), *desguañangar* (ломать, портить), *enchocorarse* (укрываться, прятаться), *equipata* (снег с дождем в высокогорье), *huasi* (дом, жилище), *ilisile* (напиток из тростникового сока и трав), *itira* (плот), *llaccho* (заросли травы по берегам рек и озер). Многие семемы, служащие для обозначения специфических реалий также впоследствии перешли в другие языки именно посредством вариантов: *lama* (лама), *condor* (кондор), *alpaca* (альпака), *puma* (пума), *tapir* (тапир), *yaгуar* (ягуар), *ñandu* (нанду), *tucán* (тукан), *piraña* (пирания) и др. [5].

Таким образом, некоторые языки и их варианты могут выступать своеобразными посредниками между другими языками, обеспечивая их опосредованные контакты. Так, из языков народов Индии первоначально именно в индийский вариант английского языка попали слова, получившие затем распространение и в других языках: *pepper* (перец), *beryl* (берилл), *sandal* (сандал), *cashmere* (кашмир), *calico* (коленкор), *punsh* (пуниш), *banyan* (сорт дерева), *samphor* (камфора), *crimson* (малиновый), *hemп* (конопля), *indigo* (индиго), *jute* (джут), *Brahmin* (брамин), *bungalow* (бунгало), *jungle* (джунгли), *loot* (грабеж), *khaki* (хаки), *rugree* (тюбан), *pin kah* (опахало), *rajah* (раджа), *serou* (сипай, индийский солдат на службе англичан), *verandan* (веранда), *curry* (соя), *coolie* (кули), *mango* (манго), *pariah* (пария) [14, с. 142–145].

Наблюдается и определенное взаимовлияние между вариантами одного языка. М. Т. Дьячок приводит многочисленные примеры заимствований из территориальных вариантов русского языка в социальные, что способствует своеобразию номинативной системы последних: *аноха* (слабоумный, простофиля) в диалектах Сибири означает простофиля, дурак, глупец; *базлать* (разговаривать громко, кричать, распоряжаться повышенным тоном) в северных и сибирских диалектах – громко кричать; *кукла* (предмет, внешне похожий на продаваемый, пачка бумаги, нарезанная по формату денег, сверху и снизу которой находятся настоящие купюры) в диалектах – пучок, прядь *мятого или трепаного льна*; *горсть льна, предназначенного для трепания*; *маклак* (скупщик и продавец краденых вещей) в северных и южных диалектах – торговец рыбой, перекупающий ее непосредственно у рыбаков; *баланда* (низкокалорийная похлебка, жидкий суп в тюрьме) в южных и западных диалектах – *ботвинья, крошка из кваса и лука*; *лох* (бестолковый человек, потерпевший, жертва шулера) в диалектах – *лентяй, ротозей, простофиля, дуралей; лосось после метания икры* [4].

Результатом систематических языковых контактов является возникновение интерферированных форм. Поскольку такие формы чаще всего относятся к маргинальным явлениям, то момент их возникновения обычно не может быть зафиксирован даже приблизительно, и их изучение начинается, когда их удельный вес в системе становится очень значительным. Для Украины ярким примером такой формы является так называемый суржик, возникший в результате интерференции двух близкородственных языков. Видимо, о явлениях такого рода писал Л. В. Щерба: “Наконец, капитальнейшим фактором языковых изменений являются столкновения двух общественных групп, а следовательно, и двух языковых систем, иначе – смешение языков. Процесс сводится в данном случае к тому, что люди начинают говорить на языке, который они еще не знают. Языковой материал, которому они стремятся подражать, един; языковая система, которая определяет их речевую деятельность, едина. Поэтому они одинаковым образом искажают в своей речевой деятельности то, чему подражают. Если со стороны другой группы по тем или иным социальным причинам нет достаточного сопротивления, то результаты одинаковым образом “искаженной” речевой деятельности, являясь в то же время и языковым материалом, обуславливают резкое изменение языковой системы” [17, с. 30]. Подобное взаимодействие происходит не только между разными языками, но и между их вариантами, и в силу этого является одним из постоянных факторов, определяющих развитие языков.

Негативное отношение к интерферируемым формам языка вполне объяснимо. Как пишет по этому поводу У. Вайнрайх: “Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в “отстаивании”. В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой; в ответ на интерференцию оно превращает стандартизованный вариант языка в символ веры и святыню” [3, с. 57]. Однако история развития многих ныне самостоятельных языков включала этап интерференции (например, история формирования романских языков на основе народной латыни).

Поэтому некоторые современные исследователи не столь категоричны в своих оценках. Так, Т.Ф. Новикова отмечает: “Думается, не стоит столь сурово оценивать это живое языковое явление, наоборот, как нам кажется, эта зона национального языка также нуждается в исследовании и описании” [10, с. 23], а А. Н. Рудяков пишет: “Я призываю изучать это интереснейшее для лингвиста явление. Я призываю разграничить те явления в суржике, которые обусловлены малограмотностью, и те явления, которые обусловлены возможностью для носителя двух языков выбирать самые удачные номинации, самые комфортные способы выражения грамматических значений” [13, с. 8].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Для любого языка естественно стремление к поиску наиболее оптимальных способов выражения своих сигнификатов, которые могут создаваться и в результате языковых контактов. Языки в таких условиях стремятся в наибольшей степени отвечать интересам новых, наднациональных, образований и таким образом расширять сферу своего функционирования и влияния в социуме. Под влиянием языковых контактов активизируется процесс образования и развития вариантов языков (в том числе и интерферируемых). Поэтому обоснованными представляются попытки рассмотреть проблему глобального взаимодействия языков как сущностную характеристику современного мира. В частности, А. Н. Рудяков предлагает рассматривать взаимодействие не языков, но языковых миров (-фоний), которые не существуют в изоляции друг от друга, и поэтому в точках их соприкосновения в каждый конкретный момент не наблюдается существование отдельных языков в чистом виде [12]. Таким образом, контакты языковых миров являются одним из условий возникновения различных территориальных, социальных, региональных, национальных вариантов отдельного языка.

Система номинативных средств всех вариантов отдельного языка формируется, с одной стороны, общими для всего языка единицами, а с другой, характеризуется высоким процентом заимствований из языка жителей, которые населяли и населяют отдельные ареалы до распространения, например, английского, испанского или русского языка. Большинство таких единиц отражают специфические условия жизни новой страны или региона и именуют местных животных, растения, новые социальные отношения, новые отрасли и условия труда. В подобных ситуациях язык выступает как средство объективации социокультурной оппозиции, однако некоторые созданные или заимствованные слова, выражающие понятия, которые представляют достаточный интерес и важность для широкого круга людей, могут стать частью общей инвариантной системы данного языка и даже перейти в другой язык.

В функционировании вариантов наиболее рельефно проявляются закономерности развития языка, поскольку здесь наблюдается взаимодействие мотивированности и немотивированности, конвенциональности и интенциональности языка. Эти характеристики определяют перспективы вхождения инноваций в систему языка; возможности сосуществования в номинативной системе единиц, реализующих общий сигнификат в различных позициях; степень значимости сосуществующих в языке номинативных средств, количество и качество которых может привести к существенным преобразованиям отдельных участков системы.

Литература

1. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / [Под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской.] – Режим доступа: [http://www.rubricon.com/danz_1.asp].
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. – М.; Новосибирск : Наука, 2000. – 768 с.

3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике, выпуск VI: "Языковые контакты". – М.: Изд-во "Прогресс", 1972. – С. 25–60.
4. Дьячок М. Т. Диалектная лексика в современных русских аргосе // М. Т. Дьячок // (Наука. Университет. 2000. Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск, 2000. – С. 69–72.
5. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / Под ред. Н. М. Фирсовой. Издание 2-е, испр. и доп. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 609 с.
6. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
7. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. – М.: Издательский дом "Диалог", 1999. – 416 с.
8. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Изд-во "Прогресс", 1972. – С. 81–93.
9. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 6-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 312 с.
10. Новикова Т. Ф. Современные региолекты: проблемы статуса и описания / Т. Ф. Новикова // Лингвистика. – Луганськ : Видавництво ЛНУ, 2011. – № 3, ч. 1. – С. 17–25.
11. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7–10.
12. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика XXI века / А. Н. Рудяков // Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова. – Симферополь : Антиква, 2010. – С. 8–20.
13. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – № 110, т. 1. – Симферополь, 2007. – С. 7–9.
14. Секирин В. П. Заимствования в английском языке / В. П. Секирин. – К.: Изд-во Киевского университета, 1964. – 152 с.
15. США: Лингвострановедческий словарь: Литература. Театр. Кино. СМИ. Музыка, танец, балет. Архитектура, живопись, скульптура / Авт.-сост. Г. Д. Томахин. – М.: ООО "Издательство Астрель" : ООО "Издательство АСТ", 2001. – 272 с.
16. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
17. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2-е, стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 24–39.

Аннотація

Ю. В. Дорофеев. Языковые контакты как фактор развития вариативности

В статті розглядаються закономірності впливу мовних контактів на виникнення й розвиток варіантних форм мови. На матеріалі російської, англійської та іспанської мов визначено особливості засвоєння і функціонування запозичень у різних варіантах мови.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствования, вариативность языка.

Анотація

Ю. В. Дорофеев. Мовні контакти як фактор розвитку варіативності

У статті проаналізовано закономірності впливу мовних контактів на виникнення й розвиток варіантних форм мови. На матеріалі російської, англійської та іспанської мов визначено особливості засвоєння і функціонування запозичень у різних варіантах мови.

Ключові слова: мовні контакти, запозичення, варіативність мови.

Abstract

Y. V. Dorofeyev. Language Contacts as a Factor of Variability

The article deals with the regularities of influence of the language contacts on the emergence and development of variant forms of the language. The peculiarities of penetrating and functioning of borrowings in different variants of the language have been determined on the basis of the Russian, English and Spanish languages. It has been admitted that the process of the formation and development

of the language variants is activated under the influence of language contacts which become one of the conditions for the various territorial, social, regional, national language variants. It has been stated that the system of nominative means of all the language variants comprises common language units and borrowings from the language of some particular areas. Most of these units reflect the specific conditions of a new country or region, name local animals, plants, new social relationships, new social and working conditions. Language reflects socio-cultural opposition though some borrowed words can become part of the general system of the language.

Key words: *language contact, borrowing, variety of language.*